

АЛЕНА АПИНА:

БЫВАЮ СЧАСТЛИВА. ИНОГДА

Моск. правда. - 1993. - 27 нояб. - с. 4.

Не во одну молва априори записала в разряд поверхностности и ограниченности. Приятно удивиться – всегда приятно. И убедиться в очередной раз, что скороспелость оценок – дело неблагодарное...

– Ты уж извини, но Апина одна из тех, кто служит иллюстрацией расхожего суждения о невысоком интеллекте наших артистов, “не державших в руках Пушкина”.

– Мои коллеги очень разные, пропорция, если говорить об умных и не очень, такая же, как среди “нормальных” людей. Я не считаю всех артистов семи пядей во лбу, но, простите, дураков мало.

О себе могу сказать, что Пушкина перечитывала неоднократно.

– В последнее время ты запела то, чего от тебя, прежде “бедовой, забодной, зажигательной девчонки”, мало кто ждал.

– Это нормально – быть разной. В “Комбинации”, кстати, тоже были лирические песни, но есть лирика и – Лирика. Прежде была нацеленность только на танцевальное направление, это угнетало. А сейчас, слава Богу, я доказала себе и другим, что и иная Алина нужна людям, и иную меня принимают.

– Навозды за легковесность твоей мелодики не смущают?

– Напротив, радуют: я всегда ориентировалась на народное начало, на фольклор, а это и есть изящная формула “легковесности”. Вообще у нас в музыке происходит что-то непонятное: равнение на какую-то негритянскую музыку, на стихи, которые хороши сами по себе, но не про нас. Почему нужно избегать своих корней? Если бы мое “Было, девки, было” прозвучало в ключе “спиричуэлс” – ведь был бы бред полный, правда? Это выспренно, но все-таки я скажу: надо питаться от своей земли... Я изучала народную музыку профессионально, даже ездила в экспедиции этнографического характера, поэтому ничего не собираюсь менять. Мне наплевать, что напишут критики, мои критики – вот они, в зале.

– Словом, ты не из тех, кого по причине отсутствия его имени в рейтингах может хватить инсульт?

– Это уж точно, не из тех (смеется). Потом, всякий профи тебе такого расскажет про кухню этих рейтингов... Но тщеславие чертово одолевает, берешь и смотришь: ну, кто там?

– Лена, если я на твои концерты прыгну, светит ли мне сподобиться живого звука?

– Ты же ездил с нами по российской глубинке, слышал, как мы работаем. Мы ищем музыкантов, все время ищем музыкантов, это подчинено одной цели – качество, звук.

– Натали Ветлицкая призналась мне, что не поет живьем принципиально, ибо не может позволить себе при чудовищной аппаратуре хрипеть в искажающий все звуки микрофон...

– Наталья – очень хорошая, я очень ее люблю... Что до, упрощенно говоря, микрофона, у меня есть свой, классный, у ребят моих нормальные инструменты. Но ведь всякое бывает. Например, человек заболел. В Таллинне два года назад я за-температурила и выходила на сцену при сорока градусах, как ты понимаешь, при такой экстреме приходится пользоваться фонограммой. А если “еще более честно”, я не вижу в фонограммах ничего страшного, ведь это же твой труд, это громадный студийный труд.

– Ты деловая “бумен”?

– Нет, моей природой это исключено. Каждый занимается тем, к чему есть искорка божья и лежит душа. Даже когда мой муж с кем-либо говорит по телефону на деловые темы, я в этом ничего не смыслю. Мне лучше думать о другом: как я буду петь, какие песни...

– О твоём благоверном, продюсере Александре Иратове, я слышала всякого. Говорят, это очень жесткий человек. Есть у тебя для журналистов красивая сказочка о слиянии двух сердец? Как бы нашли друг друга?

– Ну, если ты знаешь, что такое любовь с первого взгляда, ты поймешь. Мой случай... то есть наш... тот самый и есть. (Вообще-то надо у Саши спросить, согласен ли он – по простествин-то времени?)

Я его увидела на фестивале в Ташкенте, где Саша управлял всем. Раньше была телепередача “Мельница” – сплав этнографии и эстрады. Эту передачу как-то снимали в Ташкенте. Встретили нас ужасно: бросили в аэропорту, потом кошмарные автобусы, три часа мы ждали чего-то, в конце концов нас привезли в дом престарелых, где отвели несколько, сам представь, каких комнат... Я была вне себя от ярости! Я говорила: “Боже мой, в глаза бы посмотреть тому человеку, который нас сюда затащил”. Я была в отчаянии! И Он приехал. В спортивном костюме, такой весь деловой, фасонистый... И как-то сразу меня покорило, не знаю, чем... Когда вечером того же дня Александр Борисович устроил банкет, аккомпанирующий плохую встречу и расселение, за которые, строго говоря, был не повинен, и когда он провожал меня до автобуса... у нас с ним произошел первый поцелуй, вот! Утром я проснулась рано-рано – и все поняла, что он – мой... Такая вот “сказочка”, которая вовсе не сказочка.

– Насколько верно расхожее представление об артистических взаимоотношениях, как о донельзя натянутых?

– Лучше всего сослаться на круиз “МузОбоза”. Мы с Сашей ломали голову: как же мы будем в этой мышеловке, в замкнутом пространстве? Огромное количество артистов, и мы никогда так надолго вместе не были; и неизвестно было, чего нам ждать друг от друга, потому что... мало ли... все мы люди творческие, а потому сумасшедшие... Но когда приехали домой, буквально на следующий день созвонились, стали ездить в гости друг к другу... Не хочется, конечно, рисовать какие-то идиллические картины, но я сказала правду. Я уже говорила как-то, что на самом деле мы все – очень хорошие (смеется), иначе не были бы звездами. Нас очень мало, и все понимают, что надо держаться вместе.

– Что для тебя возможность разбегаться?

– Как только ответы на такие вопросы начинаешь облекать в слова, все становится пафосным до приторности... На самом деле – музыка в первую очередь. Потом – кино. Если попадает хорошая видеокассета – это праздник.

– Ты сдвнешься чело́беком сверхобщительным, наберное, ты непоседлива, и дома тебя удержат – утопия?

– С общительностью проблем нет, но человек я домашний. Даже очень. Вытащить меня на какую-нибудь презентацию, вечеринку всегда большая проблема. Я лучше дома побуду.

– Дом у вас открытый?

– У нас очень часто гости. Многие, приезжая, живут у нас. Например, один из самых близких наших друзей – “секретовец” Коля Фоменко. Иногда такая открытость утомляет, но совсем немножко, и потом, ты же понимаешь, это редкая радость в жизни, быть может, – основная.

– Признаться, ты обидчива, злопамятна?

– Я не злопамятна, но память у меня хорошая. Я, слава Богу, не знаю, что такое предательство в чистом виде, но и со мной случались вещи... Саша со мной по этому поводу частенько пикируется, но я расскажу: от нас ушли музыканты, но ведь по-разному можно уйти, правда? Они даже не подошли ко мне. Более того, потом я слышала про себя грубости, какие-то нехорошие слова. Все это за спиной... Ты меня убей, но с этими людьми я не могу общаться. Не могу!

– Сегодня ты довольна собой?

– Я, как все: бываю счастлива моментами и делаю все, чтобы эти моменты ценить.

Отар КУШАНАШВИЛИ.